

**ЧИТАТЕЛЬСКИЙ «ЗАКАЗ» ИЛИ
АВТОРСКИЙ «НАКАЗ»:
АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ В ТРАКТАТЕ
ПЕТРАРКИ «DE REMEDIIS»
И ЭПИГРАФАХ ЕГО НЕМЕЦКИХ ИЗДАНИЙ¹**

Статья анализирует самый большой трактат Петрарки, характер и способы обращения к античной истории в его диалогах. Автор выявила причины его огромной популярности в XV – XVI вв. Это – содержательность и гуманистическая насыщенность примеров; новая дидактичность, занимательность и острота фактов, умение их преподнести; преимущественное внимание к светской и гражданской истории; интерес к «историям» самых разных по статусу и занятиям людей от правителей до школьных учителей; широкое и умелое обращение автора к первоисточникам, т.е. текстам античных историков и поэтов, риторов и философов, а не к средневековым хронистам. Кроме того, автор статьи изучила эпиграфы поэта 1520 – 1530 гг. XVI в. Пинитиана к немецким изданиям трактата и определила место античной тематики в них.

Ключевые слова: Петрарка, трактат Петрарки «О средствах против превратностей судьбы», Пинитиан, эпиграф, Ренессанс, Реформация, информационное поле трактата, античные примеры, римские авторы, знания о прошлом.

Об авторе: Девятайкина Нина Ивановна, доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета имени Гагарина Ю.А. 410054, Саратов, ул. Политехническая, 77. devyatay@yandex.ru

Творчество итальянского гуманиста эпохи Возрождения Франческо Петрарки (1304 – 1374) в его исторической составляющей еще далеко не изучено. Ждут своих исследователей для системного и всестороннего изучения как собственно исторические сочинения (два

¹ Статья написана при финансовом содействии РГНФ. Грант №Пр.14-01-00509.

больших трактата), так и тематика подобного рода во многих других ученых, полемических, эпистолярных и поэтических текстах.

Трактат, о котором пойдет речь в статье, – продукт зрелой мысли гуманиста (время создания – с 1354 по 1366 гг.). Он задумывался автором, насколько можно судить по пояснениям обширных предисловий, как произведение для рядового читателя, своего рода литературно-утешительное или поучительное «снадобье», которое всегда под рукой. Текст поделен на две книги и 254 диалога, едва ли не в каждом из которых «присутствует» история древнего Рима и, пусть меньше, Греции, фрагментарно – Востока, в том числе библейского, и Средневековья. Во многих – прямо вспоминаются та или иная тема, личность или события, которые сопровождаются комментариями, порою весьма обширными, и интерпретациями автора.

В связи с этим можно предположить, что сочинения Петрарки, как и других писателей XIV столетия, обращенные к широкому читателю, могли стать в эпоху Ренессанса и Реформации одним из эффективных способов распространения знаний о прошлом и потому испытали всеевропейский типографский бум размахом в полтора столетия, масштабнее всего проявившийся в Германии. Поясним сразу: огромной популярности трактата Петрарки в первые полтора-два века книгопечатания и типографского переворота, особенно поразительной в немецкоязычной зоне, способствовало не только сугубое тяготение немцев к знаниям, примерам и наставлениям. Здесь имели место специальные, очень изобретательные и плодотворные шаги к приближению дидактичности к каждому читателю, если так можно определить, лингво-визуальным путем. Инициаторами подобных шагов были самые образованные личности эпохи, прежде всего, представители гуманистической и реформаторской среды уровня Себастьяна Брандта (1458 – 1521), его сторонники, почитатели и продолжатели.

Речь идет о том, что в 1520-е гг. трактат первого ренессансного гуманиста был переведен на немецкий язык, и к каждому диалогу талантливый художник, до сих пор именуемый «Мастер Петрарки», обладавший острым социальным темпераментом, создал ксилографический рисунок-иллюстрацию. Эти рисунки не просто перелагали на визуальный язык рассуждения гуманиста, но переосмысливали и актуализировали их многими выразительными остро социальными, прозрачными намеками на реалии дня или даже их прямые события.

Но и этим дело не завершилось. Первый перевод (1520-х гг.) не удовлетворил самых образованных «экспертов» и критиков; был подготовлен второй; и, очевидно, для его *актуализации* по инициативе нового переводчика известному тогда поэту были заказаны *эпиграфы* – двустушия на латинском и их «дубликат» на немецком, развернутый в четыре строки. Имя этого поэта – Иохан Пинитиан (1478 – 1542) священник, переводчик, поэт-лауреат, грамматик-латинист школы Св. Анны в Аугсбурге, в одной из типографий которого и вышли первые тиражи. Имя переводчика – Стефан Вигилий (время наибольшей активности – с 1520 по 1530-е гг.).

Против такой культурной «экспансии» сердце немецкого читателя, очевидно, не смогло устоять. Тиражи расходились быстро, типографы готовили переиздания, которых случилось за 100 лет более десятка. Потому кажется важным исследовать не только главную, заявленную названием статьи проблематику, но и то, какую «лепту» внес в «информационное пространство» трактата создатель эпиграфов эпохи Реформации.

Добавлю, что указание на издания с эпиграфами сделал еще У. Фиск², но пока на сами двустушия в интересующем нас в данной статье ракурсе исследователи специального внимания не обратили.

Попытаемся выяснить, откуда явилась эффективность, какую роль в этом сыграли примеры из истории,

² См.: Fiske W. 1888.

дидактика, занимательность, тематика и направленность диалогов, обращение к первоисточникам, гуманистические ориентиры автора трактата.

Начнем с главного текста и *примеров*. Прежде всего, впечатляет их число: при обсуждении той или другой темы в одном диалоге может быть приведено от 3-5 до 30-50, а то и 80 примеров из разных эпох, времен, человеческих историй и мифов. Давно выявлено, что преобладает обращение к римской Античности. «Большая» римская история и ее «акторы», естественно, находят прежде всего место в диалогах на общественно-политические и военные темы. Это около *30 текстов* (то есть каждый восьмой-девятый) на темы власти, дружбы с правителями, любви /ненависти народа к правителям (I. 48-49, 91, 94-96, 105-107, 116; II, 34), «деяний» и забот правителей – войн, мира, вооружения войска и флота (I.97-108), захвата власти или ее утраты (II. 32-35, 37, 79)³. Для всестороннего анализа исторической составляющей этих текстов понадобилась бы не меньше статей, чем названо самих диалогов.

Поэтому мы рассмотрим два-три текста, наиболее яркие, богатые фактами и именами античной эпохи. Соответствующим рассматриваемому вопросу и почти всем остальным позициям, связанным с темой эффективности, кажется диалог «О царской и императорской власти» (I. 96. *De regno et imperio*)⁴. К этому яркому и очень насыщенному тексту уже был случай обращаться в связи с другими вопросами, поэтому ограничимся исторической составляющей. Напомним, что диалоги ведут между собой аллегорические участники, в основном – Разум (*Ratio*) и Радость (*Gaudium*) в первой книге, Ра-

³ Трактат изучался по современному двуязычному научному изданию: *Petrarque Fr.* 2002. Vol.1-2. 1167 p; 803 p.

Здесь и далее римская цифра означает номер книги трактата, арабская – диалога.

⁴ *Petrarque Fr.* 2002. Vol.1. P. 414-429 (далее: *Petrarque Fr. Les remedes*).

зум и Печаль (Dolor) – во второй. Названный диалог включен в состав первой книги. В нем Радость говорит от лица императора, а Разум оппонирует этому высокопоставленному персонажу.

В уста Разума вложено очень много имен-примеров, и все они, за исключением трех-четырех греческих, римские. Сведем их в таблицу-список, разделив имена политических деятелей на три группы в соответствии с характеристиками, которые дает им Петрарка, и разместив в той последовательности, в которой они упомянуты в диалоге.

Таблица 1. Римские принцепсы, императоры, политические деятели в диалоге «О царской и императорской власти».

<i>№№</i>	<i>Положительные характеристики</i>	<i>Без характеристик / для примера насильственной смерти</i>	<i>Отрицательные характеристики</i>
	Александр Север	Пертинакс	Гай Калигула
	Август	Клавдий	Нерон
	Диоклетиан	Гальба	Макрин
	Марк Аврелий	Коммод	Галлиен
	Юлий Цезарь	Отон	Аврелий Вер
	Адриан	Вителлий	Вителлий
	Антонин Пий	Домициан	Траян
	Арий Антонин Нерва	Бассиан / Гелиогабал	Деций
		Макрин	Галлиен
0		Диодумен	Тиберий Клавдий
1		мать Александра и Гелиогабала	
2		Максим Пупиен	
3		Максимиан	

4		Максимин-отец	
5		Максимин-сын	
6		Гордиан I	
7		Гордиан III	
8		Деций	
9		Филипп Аравитянин	
0		Галл	
1		Волусиан	
2		Валериан	
3		Галлиен	
4		Аврелиан	
5		Проб	
6		Юлиан	
7		Лициний	
8		Констанций	
9		Валент	
0		Грациан	
1		Валентиниан	

Нетрудно посчитать, что в таблицу попало 49 имен. И здесь, и в других случаях Петрарка в рамках одного диалога может обратиться несколько раз к одно-

му и тому же персонажу-примеру по разным поводам, ввиду чего возникает сжато представленный, но выразительный портрет. Например, любимый гуманистом принцепс Август (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.) назван трижды, Нерон столько же, Диоклетиан дважды, равно как Пертинакс и Александр Север. К масштабному портрету Августа, который рисуется на протяжении всей книги до интересующего нас текста (I. 3,18, 20-21,24-25, 30-32, 37,39, 41-42, 64,79,85), в данном диалоге добавлены еще некоторые яркие краски⁵. Рассуждая о том, сколь тяжела и ответственна роль первого лица государства, Разум напоминает, что Август «подумывал об оставлении императорской власти»⁶. (Данный факт приводит римский историк Светоний, поясняя, что принцепс долго болел и потому спрашивал себя, не отойти ли от государственных дел и даже передал часть официальных книг сенату.) Этим фактом Разум обозначает, сколь далеко от реальной ситуации ожидание новоиспеченного императора-Радости, заявившего: «Я достиг императорской власти и уж теперь-то заживу спокойно и беззаботно». Именно в этом случае Разум перечисляет более 30 имен принцепсов и императоров, которых как раз настигли тяжкие заботы и насильственная смерть.

Далее, когда речь заходит о том, позволительно ли лицу во власти мстить, Разум-Петрарка напоминает римскую концепцию «отца отечества». Согласно ей, принцепс или император есть отец всех. С большой похвалой Разум вновь приводит в пример Августа: «Величайший из принцепсов из всех своих титулов ни одного не принимал с большей благодарностью, чем этот. Он решился принять публично наименование отца, будучи

⁵ К теме Августа гуманист обращается и дальше как в книге первой (I.108,110,117-118), так и во второй (II.4,19,23-24, 52,61-62,78-79,84,86, 90-91).

⁶ *Petrarque Fr. Les remedes. I. 96. P. 418.*

ещё молодым человеком»⁷. Если вспомнить, что он встал у власти в 19 и оставался на ее вершине долгие 56 лет, прозвание отца отечества не один десяток лет украшало официальный список его званий и титулов и обязывало к определенной линии поведения.

Мы видим, что в «истории» Августа Петрарка не соблюдает хронологической последовательности, вспомнив в начале о второй половине его политической карьеры, а потом – о первой. Но портрет от этого не проигрывает, обязанности «отца отечества», которые, по словам автора диалога, он нес с честью, только добавляют в глазах читателя почетный груз к власти Августа и еще более объясняют, почему он мог думать о ее оставлении.

Третий раз наш автор обращается к правлению Августа в заключительной части диалога как к некоторой модели. После очередного восклицания Радости «Я римский император», Разум мудро-философски обрисовывает ему возможные варианты правления. «У тебя есть выбор, кому следовать: Августу, Нерону или Вителлию. К этим трём сводятся характеры не только всех принцевов, но и вообще всех людей»⁸. Август назван первым, его линия политического поведения видится лучшей; Нерон, известный всем, являет своим правлением вариант крайней жестокости, распушенности, вероломства, ко всем прочему, как заклятый преследовать христиан, а Вителлий, по рассказам широко читаемого «школьного» (определение Б. Гене) Светония, – образец самодурства и чревоугодия. Два последние портрета явно призваны оттенить совершенство образца-Августа, как правителя и личности.

Диалог в данном случае добавляет к ранее нанесенным штрихам портрета Августа устойчивые политические оттенки, рисуя и его эпоху как великолепное время римской истории. Запрос-заказ читателя, ориен-

⁷ *Ibid.* P. 420. Здесь и далее большие цитаты из трактата приводятся в переводе Л.М. Лукьяновой.

⁸ *Ibid.* P. 426.

тированный, как правило, на образ позитивного правителя, и наказ гуманиста современной власти соответствовать образцам через актуализацию Августа в диалоге присутствуют с равной степенью художественной и публицистической убедительности.

Гуманистическая составляющая исторических экскурсов данного диалога многогранна. В конкретном случае с Августом она «зеркальна»: с одной стороны, через римские примеры крупными мазками прорисован образец для подражания, по сути дела, собирательный раннеренессансный образ идеального правителя, с другой – ярко сформулирована оценка современной власти. Устами Разума последовательно раскритиковано ее самопозиционирование, вложенное в уста Радости-императора: претензии на безраздельное доверие и восхищение со стороны общества (Радость несколько раз заявляет: «Я справедливо правлю»; «Я славен императорской властью»), одновременно – вседозволенность (Радость: «Я правитель, а правителю все дозволено»), отстранение от всяких проблем в жизни подданных (Радость: «Я достиг императорской власти и уж теперь-то заживу спокойно и беззаботно»), месть (Радость: «Я император и смогу мстить»), безмерные траты государственных средств (Радость: «Я император и теперь буду иметь средства, соответствующие моим тратам»)⁹.

Думается, очень по душе массовому итальянскому читателю первого ренессансного века, который в дидактике, надо полагать, чаще всего оказывался на стороне автора, была публицистическая смелость речей Разума,

⁹ *Petrarque Fr. Les remedes*. I. 96. P. 416-420. Приведем реплики Радости в оригинале: *G. Iuste regno; Imperio clarus sum; Rex sum atque omnia possum; Rex sum eritque michi iam certa tranquillitas; Ascendi ad imperium; iam quiescam et securus vivam; Imperator sum, ulcisci potero; Imperator sum eritque iam thesaurus par impense.*

адресованная одной из самых могущественных персон тогдашнего европейского мира, императору Священной Римской империи германской нации. (Если конкретизировать, ориентируясь на время написания диалога, то императором был Карл IV.) Немецкому читателю времени Реформации могли не меньше оказаться по душе указы императору по поводу справедливого и честного управления обществом.

Остается заметить, что дидактика диалога не акцентирует такие традиционные средневеково-христианские основания, как благочестие, любовь к ближнему, терпение, признание греховности, расплывчатое общее благо и т.д. Только один раз автор отсылает к Библии, когда речь идет о мести – приводит слова Второзакония (32,35): «Истинно говорил Тот, Кто сказал «Мне отмщение»¹⁰. Рядом – многократное обращение за сведениями к Светонию и «Истории августов», Валерию Максиму и Сенеке, цитирование выразительных строк из оды Горация. Библейских или церковно-проповеднических примеров тоже нет. Главным мерилом деятельности власти в глазах автора становится оценка подданных и отчетливое представление самих первых лиц о власти как служении народу. Здесь Петрарке вновь помогает римская история, высказывания римских правителей, многократно приводимые Светонием и другими историописателями той эпохи.

Рассматриваемый диалог позволяет указать и на такую привлекательную до сих пор для читателя сторону, как умение изложить сильными словами социально острые и одновременно потрясающие воображение факты римской истории, в данном случае – по поводу деятельности ее правителей. Далеко ходить не приходилось. Рассуждая о том, что правитель, который позволяет себе безмерные траты, похож на грабителя, Разум-Петрарка привычно прибегает к приему опытного риторика: «Расскажу, прежде всего, о безумствах (*furores*) римских принцевов, однако

¹⁰ *Petrarque Fr. Les remedes. I. 96. P. 426.*

коснусь немногих из них, но то немногое, о чём я скажу, говорит о многом». Брошенное острое словечко «безумства» явно призвано приковать внимание читателя. И он не разочаровывается. Дальше идут короткие, но очень впечатляющие «эссе» о Калигуле (37-41) и Нероне. Позволю себе полностью привести фрагмент о первом.

«Самое известное – безумство Гая, соединившего мостом Байи и ПUTEОЛЫ и переехавшего залив при бурном море сначала верхом на лошади, а потом торжественно – на квадриге¹¹.

А как не упомянуть об огромной цене жемчужинах, растворённых в уксусе, и о предложенных пирующим закусках, поданных на золотых блюдах? Этот пир был затеян не для того, чтобы, как обычно бывает, утолить голод гостей, но чтобы растратить богатства империи и возбудить алчность пирующих. Добавь к этому швыряние денег в толпу; огромные глыбы для плотин, сброшенные в глубокое море; срытые крутые берега; долины, сравнённые с горами, а горные хребты – с долинами; туда добавлена земля, оттуда удалена. Это чудо, заставившее природу терпеть такое насилие, делалось с невероятной быстротой – ведь ценой промедления могла быть смерть.

Растратив за год огромные сокровища своего предшественника Тиберия и все богатства империи, впавший в нужду, Калигула занялся позорнейшими грабежами.

Правда, я не стану относить к безумствам его намерение прокопать в Коринфе гору Истм, чтобы со-

¹¹ *Ibid.* P. 420-422. По свидетельствам римских историков, расстояние от Байев до ПUTEОЛ составляло 3,600 римских шагов (более 6 км.). По мосту была проведена шоссейная дорога; по ее сторонам построены гостиницы. В день открытия дороги Калигула с отрядом роскошно одетых воинов проехал по ней; он ехал впереди всех; на нем был панцирь, о котором говорили, будто бы его носил Александр Македонский; поверх панциря была наброшена шелковая пурпурная мантия, вышитая золотом. Калигула хвалился, что он этим своим делом затмил сооружения Дария и Ксеркса.

единить два моря. Хотя это весьма дорогостоящее дело, однако, как утверждают, полезное для тех, кто плывёт из Брундизия в Афины, или в Халкиду и в Византий, так как укорачивает путь, позволяя избежать огромного изгиба вокруг Ахайи»¹².

Петрарка – мастер образного и энергичного рассказа: Калигула, дважды при разном «антураже» пересекший по новому гигантскому мосту залив, встает перед глазами читателя как крайне склонная к бравадам и одновременно крайне тщеславная личность. Его характеристику выпукло дополняют такие словечки, как «швыряние» денег, «позорнейшие» грабежи, «невероятная» быстрота действий.

Гуманист не пересказывает последовательно и дословно свидетельства Светония, он высвечивает самые впечатляющие действия, держит читателя «в чувстве», дает ему понять свое отношение к герою, но, одновременно, не впадает в крайнюю критику, заметив полезность хотя бы одного из намеченных предприятий императора.

В этом рассказе удивляет столь рано проявившееся современное отношение гуманиста к насилию над природой, выразительные картинки экспериментов над ней с огромными глыбами для плотин, скрытыми горами и берегами, переброской непомерных объемов земли. Он и здесь стремится привлечь на свою сторону читателя, словно бы приглашая задуматься над поводами, способами и пределами вторжения человека в мир природы.

По выразительности и красочности описания деталей рассказу о Калигуле не уступает чуть более объемное повествование о безумствах императора Нерона (37-68). В нем выражено много чувств: здесь и невольное восхищение мастерством создателей Золотого дворца по заказу Нерона, явно ориентированное на реакцию читателя, описание его бесчисленных и потрясающих воображение чудес, и мулы с серебряными подковами, и

¹¹ *Ibid.* P. 422.

позолоченные сети для ловли рыбы, и полное осуждения упоминание фактов новых вторжений в природу. Позиция автора диалога четко выражена и в этом случае. «Много было и другого, вызывающего одновременно и удивление, и отвращение». Он добавляет, что только смерть Нерона избавила мир от «великих бед»

Конечно, в одном диалоге рассказать обо всех деятелях, имена которых были выше приведены в таблице, хоть сколько-то развернуто, автор не предполагал. Он большую их часть перечисляет в одной объемной фразе, чтобы представить читателю во всей значимости, важный и сурово-дидактический с точки зрения личных судеб названных императоров, тезис: «Тяжёл подъём к власти, тяжелы труды императора, и тяжело падение с вершин власти, когда ты её достиг»¹³. Под падением автор в данном случае понимает, как ясно из таблицы, разные варианты насильственной смерти. Более 30 персон, названных в диалоге, претерпели именно такой конец. Своим впечатляющим по численности «корпусом» они представляют читателю весьма поучительные уроки римской истории, повторявшиеся все века существования принципата и империи.

Таблица обнаружила еще несколько моментов в связи с вопросом об отношении Петrarки к римской истории. Как видно из нее, положительные характеристики в диалоге наш автор дает лишь малой части деятелей названной эпохи. Их семь-восемь, в том числе – Август. Однако он и еще некоторые (Диоклетиан, Юлий Цезарь) в других диалогах, более ранних или поздних, не остаются вне зоны критики. Ей подвергаются и представители из «списка два», уж не говоря о списке, возглавляемом Калигулой. Это показывает, что Петrarка, увлеченный античностью, мечтавший родиться в том времени,

¹³ *Ibid.* P. 418: «Magnus est ad imperium ascensus, magni in imperio labores, magni quoque cum ascenderis ex alto casus».

все же начинает относиться к свидетельствам римской истории как к информационному пространству, которое богато всеми проявлениями жизни – и позитивными, и негативными. И свободно высказывать свое, зачастую критическое, мнение, аргументируя фактами из первых рук, а не из средневековых переложений. Думается, что это также добавляло интереса читателей к его трактату.

Диалоги трактата выказывают интерес первого гуманиста к историям не только государственных или военных личностей главного ранга. Много десятков римлян и греков оказались ему интересны и приведены в пример из числа философов, писателей, художников, музыкантов, врачей, архитекторов, меценатов, солдат, садовников, гурманов, коллекционеров, просто частных лиц, любящих сыновей и дочерей, матерей и отцов.

Среди них – воин Юлия Цезаря по имени Аттилий (Attilius или Acilius). К его «истории» Петрарка обращается в диалоге «О полученных ранах» (II.77), приводя в пример его героическое поведение: «Ты знаешь, как во время войны против Массилии солдат Цезаря Аттилий, потеряв правую руку, раздробленную кормой вражеского корабля, удерживал её левой, пока корма не погрузилась в море»¹⁴. Сами сведения Петрарка мог почерпнуть у Светония или Валерия Максима. Он ставит мужественного воина в один ряд с названными в том же диалоге «храбрым и стойким» Горацием Коклесом, полубогатырем древнеримским героем, защитившим римский Свайный мост от этрусков, самим Цезарем, «получившем двадцать три раны», «храбрейшим мужем» Марком Сергием, представителем старинного патрицианского рода, «известным центурионом» того же Цезаря Кассием Сцевои.

Хотелось бы обратить внимание на один из любимых приемов Петрарки: его Разум десятки раз доверительно обращается к собеседнику, а через него – к

¹⁴ *Ibid.* II. 77 «De vulneribus acceptis». P. 862.

читателю со словами «Ты знаешь» (в данном случае: «*nosti*»). Обращение не может не воздействовать: если читатель, действительно, знает, кто такой Аттилий, то Петрарка словно бы приглашает его согласиться с убедительным примером, если не знает, то цепко и внимательно прочтет данное место, чтобы запомнить и в другой раз «оправдать доверие» автора.

Иными словами, это дидактически плодотворный способ закрепить пример в памяти читателя. И чей пример – простого воина! Сквозь малый факт здесь вновь прочитывается большой гуманистический тезис: в своих возможностях обрести славу люди равны, все зависит только от личных качеств. В данном случае от таких качеств как беспримерное воинское мужество и доблесть.

Не стоит думать, что у Петрарки только политики могут играть роль отрицательных примеров. Точно так же в подобной роли может оказаться любой римлянин или грек. Так, в двух диалогах первой книги, идущих один за другим, фигурирует Гортензий, известный римский оратор, соперник Цицерона в речах. Петрарке он интересен в своей частной жизни. Первый диалог называется «О павлинах, курах, голубях и пчёлах» (I.62). Там наш автор с возмущением говорит об обычае использовать мясо павлинов. Характеристика риторика краткая, но вполне дающая возможность понять отношение автора к герою примера. «Говорят, что первым в Риме заколол павлина для еды оратор Гортензий, муж известный красноречием, а с характером мягким и приятным, как у женщины; очень многие подражают его образу жизни, но редко кто – его красноречию»¹⁵. В словах о подражании образу жизни есть укоризна. Она становится понятна после прочтения следующего диалога (I. 63), где автор весьма критично отзываясь о нем как о «человеке, который никогда не упускал случая последовать примеру роскоши», однако в цитируемом тексте отмечает его

¹⁵ *Ibid.* I. 62. P. 292.

славу как ритор. Иными словами, как уже приходилось заметить, не красит одной краской тех, кого приводит в пример, положительный или отрицательный.

В отношении Гортензия он не оправдывает и тех его поступков, о которых идет речь в следующем, только что названном выше, диалоге. Он называется «О рыбных садках». Там Петрарка сурово осуждает устройство садков как неволи для рыб, называя с десяток римлян, которые занимались этим. Гортензий упоминается в этом небольшом диалоге трижды (!). Вначале просто как человек, пожелавший заняться садками: «И как всегда, дурным примерам следуют толпы подражателей. За этим Лицинием последовали знатные (*nobiles*) мужи Филипп, Гортензий и Лукулл»¹⁶. Слова о дурном примере и соседство имен Лукулла и Гортензия сразу настраивают читателя на критический лад. Петрарке этого мало. Он добавляет приведенную выше фразу о том, что тот брал в пример увлечения любителей роскоши. Но и этого оказывается недостаточно. Ему потребна занимательная и парадоксальная история. И она находится у Плиния.

«Рассказывают, например, что этот Гортензий имел рыбный садок на побережье у Байи и там среди прочих рыб настолько полубил одну мурену, что надел траур, когда она погибла. Вот это выдающаяся любовь! Вот это рыдания, достойные мужа учёного и серьёзного, который, как мы читали, не оплакивал ни гражданские войны, ни смерть граждан во время проскрипций и не

¹⁶ *Ibid.* I. 63 «De piscinis». P. 296. По данным Кр. Карру, Филипп – Луций Марций Филипп (до 102 г. до н.э. – после 43 г. н.э.), оратор и политик, консул 91 г. до н.э.; Лукулл (118 – 56 гг. до н.э.) – римский полководец, воевал против Митридата, известен также как большой гастроном, любитель устраивать роскошные пиры и потчевать гостей до насыщения.

стал бы оплакивать даже Каннское сражение¹⁷. А вот гибель мурены оплакал»¹⁸.

Такой «портрет на фоне эпохи» не мог не впечатлить читателя, который не только проникался соответствующими чувствами к Гортензию, но и впитывал «контексты», обрисованные кратко, однако предельно выразительно. Контрасты большой истории и малых пристрастий очередной раз обнажали парадоксы времени, делали более насыщенной его характеристику.

Сведения о лицах, упомянутых в качестве примеров на страницах трактата Петрарки, я много лет фиксировала на карточках по мере обращения к тому или другому диалогу. Эти данные почти во всем совпали, как и следовало ожидать, с индексом Карру, попавшим в мои руки в 2008 г. вместе с названным выше и цитируемым в статье билингвальным изданием трактата. Отметим, что в индексе фигурируют вместе как просто названные Петраркой имена, так и лица, приведенные в пример; там также зафиксированы литературные герои (из Вергилия, Гомера и пр.)¹⁹. В таблицу мной отобраны и включены данные только о тех лицах, которые играют в диалогах роль примеров. Она позволяет в наибольшей полноте представить масштабы «галереи» из персонажей разных планов, явленной в трактате, во многом уточнить общие оценки, связанные с гуманистическими «пристрастиями» зачинателя Ренессанса.

¹⁷ Напомним, в 216 г. до н.э. в битве при Каннах Ганнибал нанёс сокрушительное поражение римлянам, разгромив их 40-тысячную армию.

¹⁸ *Petrarque Fr. Les remedes*. I. 63. P. 298.

¹⁹ *Index des noms figurant dans les Remedés // Petrarque Fr. Les remedés*. Vol. 2. P. 697-746.

Таблица 2. «Галерея» примеров в трактате «О средствах»²⁰

<i>Принадлежность персонажей (эпоха, народ, культурная сфера)</i>	<i>Политические и военные деятели</i>	<i>Лица других статусов (писатели, историки, философы, художники, частные лица, христ. подвижники)</i>	<i>Женщины</i>	<i>Всего</i>
Римляне	137	76	22	25
Греки	47	78	7	32
примеры из греческих мифов	37	30	7	4
восточные народы	44	1	8	3
библейские примеры	5	5	4	4
Святые разных времен		16		6
средневековье	7			
Современность	8			
	285	206	4	39
			8	

Итак, судя по данной таблице, историческое пространство, которое для целей своего трактата и примеров в нем так или иначе «освоил» Петрарка, оказывается хронологически и «геополитически», т.е. «вертикально» и «горизонтально», весьма широким. Как показывает

²⁰ Обработка сведений производилась мной вручную, поэтому не исключены некоторые погрешности в цифрах.

таблица, в составе примеров есть библейские и древнегреческие, среди них – правители Крита и цари Соломон с Давидом, т.е. культурный взгляд Петрарки уходит во второе тысячелетие до н.э. И поднимается через более поздних греков и римлян к средневековью и современности, к правителям его века вроде королей Иоанна Доброго и Роберта Неаполитанского. Герои, приведенные в пример, действуют на широком евро-североафриканском, ближне- и среднеазиатском поле: от короля Британии Иоанна Плантагенета до Ганнибала, Дария, Антиоха, и других восточных правителей разных времен. Но, как ясно из данных таблицы, большая часть персонажей – из Средиземноморского ареала, греческого и римского.

Нельзя не обратить внимания на главную цифру, указывающую на огромное число лиц, приведенных в диалогах в пример: их более 500, то есть по два новых имени в среднем на каждый диалог. А если добавить, что многие герои фигурируют по несколько раз, а некоторые, вроде принцепса Августа, практически не сходят со страниц диалогов, то общее количество примеров возрастет многократно²¹. Таблица позволяет видеть также значительное расширение круга примеров за счет включения в него ученых, писателей, художников, меценатов и мифологических культурных героев разных эпох (2/5 от всего числа лиц). При этом библейских и христианских (вместе) всего 30, т.е. 0,06 от общего количества, совсем мало в сравнении с предшествующей традицией, в основном выбиравшей примеры именно в этом поле.

Показательно и соотношение некоторых данных: среди римлян в роли примеров политиков и военных оказывается почти вдвое больше, чем остальных, среди греков – наоборот, почти вдвое меньше. Это позволяет указать на то, что Петрарка был очень осведомлен в гре-

²¹ Здесь общие данные еще предстоит собрать, обработать и свести. Пока приведем один пример: принцепс Август – *один* из 225 *римских* примеров, сам приводится как пример более 40 раз (!)

ческой истории и культуре, хотя не мог сполна пользоваться первоисточниками. Он искал и находил сведения у римских или переведенных на латинский греческих авторов и успешно их использовал. К сожалению, эти факты никак не представляются в общих трудах о Петрарке, особенно историях литературы, там все застыло на мнении, что кругозор гуманиста ограничивался римскими горизонтами. Важность «греческих» данных таблицы в приложении к интересующей нас проблеме состоит в том, что позволяет увидеть в Петрарке важного «информанта» и одного из первых популяризаторов не только римской, но и древнегреческой истории и культуры.

Если обозреть «информативное поле», начав с проанализированного выше диалога «О царской и императорской власти», то впрямую Петрарка называет Курция, римского историка, осуждавшего алчность правителей, и Светония (указывая на его сведения о длине перешейка, который хотел перекопать Нерон). Кр. Карру выявил, что не только этот, но большую часть других названных в горячей речи Разума фактов Петрарка, почерпнул также у Светония. Он остается одним из главных «поставщиков» фактов по римской истории во всем трактате, хотя по имени называется всего три-четыре раза (I. 24,96, 107)²². Другим источником сведений для названного диалога стала «История Августов» (IV в.), третьим – римский философ Сенека («О благодеяниях»), с имени которого начинается и без малого заканчивается трактат и который весьма часто снабжает гуманиста интересными фактами. По данным уже названного не раз Кр. Карру, Петрарка привлекает около 20 сочинений Сенеки, начиная с писем к Луцилию и завершая «Фед-

²² Кр. Карру насчитывает только по поводу Августа 30 диалогов, в которых Петраркой использованы сведения Светония, 11 – по поводу Нерона, 6 – Калигулы. См.: *Petrarque Fr. Les remedes*. Vol.2. P. 795-796.

рой»²³. Для красивого литературного обрамления суждений Разума в его уста вложены «известные строки Горация» из «Од», парафраз из Валерия Максима, римского автора достопамятных изречений и собирателя исторических анекдотов (в данном случае – по поводу диадемы, как статусной, но не приносящей счастья повязки).

Это, со своей стороны, показывает, что Петрарка не был средневековым пересказчиком текста чьей-то «истории», но свободно оперировал всем «наличным» материалом, где бы он не обнаруживался, в исторических сочинениях, этических трактатах, поэтических виршах, трагедиях или комедиях. Другие диалоги показывают, что из римских историков Петрарке были от доски до доски известны труды Ливия, Флора, Юстина. Отличие обращения гуманиста к римским авторам от прежнего, свойственного средневековым писателям, состоит больше всего в том, что он стремился изучить *все* наследие того или другого автора, при этом от начала и до конца, не довольствуясь фрагментами, более того, не однажды перечитывая тот или иной труд, не устывая обращаться в ту ли другую монастырскую библиотеку с вопросами о сочинениях древних. И если прежние авторы довольствовались двадцатью-двадцатью пятью «авторами», то Петрарке надобилось такое число текстов, как видно на примере Сенеки, прочесть у каждого автора, если оно оказывалось доступным.

Работая над диалогами изучаемого трактата, Петрарка, судя по разысканиям американских и французских переводчиков и публикаторов, а также моих собственных наблюдений, не пропустил не только ни одного значимого римского исторического сочинения, но и ни одного литературного текста, героями которых были исторические или мифологические лица. Это значительно обогащало сочинение сведениями. А главное – позволяло понять настроения и мнения греческого и

²³ Index des citations. Auteurs anciens // *Petrarque Fr. Les remedes*. Vol. 2. P. 691-692. P.791-794.

римского общества, его жизнь во всех ее красках. И не просто понять – живо и увлеченно преподнести читателям своего времени и еще нескольких столетий.

Что касается количественного *приращения* авторов, то в применении к трактату «О средствах» проведенный нами подсчет дал такие результаты: поименовано 49 авторов. (Как выявили исследователи, примерно столько еще не поименовано). Из них третью часть составляют греческие и библейские авторы, а также отцы церкви и единичные средневековые писатели, остальные – римляне²⁴. Это еще один аргумент в пользу того, что историко-информационное поле в сочинениях, адресованных ранними гуманистами широкому читателю, «засеяно» фактами светской и гражданской истории не только римского происхождения, хотя для сограждан Петрарки, италиков, именно римское прошлое оказалось, надо думать, особо востребованным в эпоху формирования национального чувства.

Что же добавил к «античному компоненту» диалогов ученый немецкий грамматик и поэт Пинитиан своими эпитафиями? Если иметь в виду какую-то новую информацию, то «от себя» (т.е. таких имен или сведений, которые не встречаются у Петрарки), совсем немного. Так, эпитафия диалога «О различных ученых званиях» (I.46) он украсил именем древнеримской богини, покровительницы наук и искусств:

Стоит ли так ликовать, получивши учёное званье?
Коль неучён – и Камена тебе никогда не поможет²⁵.

²⁴ Перечислим всех: Авл Гелий, Апулей, Валерий Максим, Варрон, Вергилий, Гораций, Катон Цензор, Катулл, Квинт Курций, Квинтилиан, Клавдиан, Ливий, Лукан, Марциал, Маркобий, Овидий, Плиний, Светоний, Сенека, Солин, Стаций, Теренций, Тибулл, Флавий, Флор, Цицерон, Ювенал, Энний.

²⁵ Перевод эпитафий Пинитиана здесь и далее – Л.М. Лукьяновой. Переводчиком было использовано одно из поздних изданий с эпитафиями, обнаружившееся в Научной библиотеке

Эпиграф вполне соответствует духу диалога, смысл которого в том, что не по заслугам полученное звание ни учености, ни культурного авторитета не прибавляет. У Петрарки в его подтексте звучит критика схоластической учености. Пинитиан явно стремится украсить свое двестишие именем богини, и, получается, вводит его в культурно-мифологический круг «обиход» трактата.

Сходную роль играет включение имени другой древнеримской богини в диалог «О захвате самодержавной власти» (I.95)

Каждый тиран к Прозерпине нисходит по смерти,
да и к тому ж на земле тащит телегу забот.

Правда, здесь эпиграф смягчает «приговор» автора диалога, который тот произносит словами Ювенала:

Редко царей без убийства и ран низвергают к Плутону,
Смерть без насилья к нему отправляет немногих тиранов.

Получается, что, на взгляд Пинитиана, немецкому читателю более знакома римская богиня подземного царства Прозерпина, чем греческий бог того же царства Плутон. Возможно, конечно, Пинитиану хочется вступить в творческое соревнование с римским сатириком, а не просто повторить его стих.

Римские реалии поддерживаются в двестиших Пинитиана использованием гордого названия Рима «Urbs» (I.56 «О ростовщичестве»), а также привычных в лексиконе Петрарки понятий «триумф» (I.88 «О долго-

ке Саратовского государственного университета: *Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae, libri duo. Editio quarta, prioribus longe castigoir cum indicibus locupletissimis. Sumptibus Esaiæ Le Preux. MDCX [Bern, 1610].*

жданном возвращении в гавань») или «муж» (I.11,48, 73,116). Из греческих слов мы встречаем только «кифару» и «лиру» в эпиграфе, посвященном музыке (I.23 «О пении и наслаждении музыкой»).

Маловероятно, что сами по себе эти скромные «включения», почти весь список которых исчерпан, могли существенно увеличить интерес немецкого читателя к тексту Петрарки. Но они показали, что этот читатель был готов «переварить» всю ту массу сведений, которая открывалась ему в диалогах гуманиста, и два-три новых имени в эпиграфах его бы не затруднили. «Цепляло» же немецкого горожанина, мы полагаем, иное: мощная актуализация текстов диалогов в связи с общественными событиями. Но это – тема другого исследования.

Некоторые заключения. Если попытаться кратко свести в целое объяснения по поводу эффективности петрарковского текста, его популярности у европейского читателя, то проанализированный материал, а главное-изучение всего объемного текста (около 800 страниц современного формата) позволяет обозначить несколько обстоятельств, которые неразрывно увязываются с общими ренессансными идейными поисками. Среди самых важных здесь оказываются высокая содержательность и гуманистическая насыщенность примеров; дидактичность, опиравшаяся на иные, чем прежде, основания; занимательность и острота фактов при блестящем умении их преподнести; преимущественное обращение к светской и гражданской истории; интерес к «историям» самых разных по статусу и занятиям, но также по большей части светских, людей; широкое и умелое обращение автора к первоисточникам, то есть текстам античных историков и поэтов, риториков и философов, а не к средневековым перелазгателям всемирных хроник; для италиков – отношение к античности как к близкому, кровному, культурно притягательному, собственному прошлому, как к национальным истокам.

При этом, подчеркнем, автор не смешивает жанры: специальных диалогов-рассказов «по истории» или

систематического изложения «истории», «историй» – нет. Но историей через людей, их поступки, события, в которых они участвовали, через их творчество, увлечения и пристрастия, обстоятельства частной жизни, через примеры для современности и современников обогащаются, содержательно и этически насыщаются, украшаются очень многие диалоги.

Диалоги, благодаря живому присутствию нескольких сотен греков и римлян, наполняются жизнью, которая поворачивается то одной, то другой стороной, разворачивается, большим историческим полотном. Теперь ясно, что автору было принципиально важно разнообразие примеров, порою – многочисленность, порою – экзотичность, но почти всегда – насыщенность историческими фактами из первых рук, сведениями и деталями. При этом гуманист нередко добавляет «штрихи к портрету», созданному древним автором. Они возникают в результате анализа и обобщения данных, почерпнутых у предшественников.

Информационное поле трактата в результате усилий автора оказалось весьма значительным и разноплановым. Позволим себе скромную метафору: Петрарка обильно возделывал это поле, «вращивал» имена и факты, обильно же усыпал их яркими цветами красноречия, делился с читателем плодами раздумий, восстанавливал с помощью авторов список «мест» исторической и культурной памяти для европейцев наступающего раннего Нового времени.

Литература

Ariani M. Petrarca // Storia della letteratura italiana / Ed. E. Malato. Roma, 1995. Vol. 2. PP. 632-643.

Billanovich G. Petrarca e il primo Umanesimo. Padova: Antenore, 1996, XXXIV-632 p., 47 tav.

Baldassarri G. Il tema petrarchesco della fortuna // Italianistica, 2004, XXXIII, 2. P. 29-34.

Fiske W. Petrarch's treatise «De remediis utriusque fortunae», text and versions. Firenze, 1888.

Francesco Petrarca: L'opera Latina: tradizione e fortuna . Atti del XVI Convegno internazionale (Chianchano-Pienza, 19-22 luglio 2004) / A cura di Luisa Secchi Tarugi. Firenze, 2006.-772 p.

Pacca V. Sulla concezione petrarchesca della fortuna // *Intersezioni*, 2003,XXIII,1. P. 5-24.

Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae, libri duo. Editio quarta, prioribus longe castigior cum indicibus locupletissimis. Sumptibus Esariae Le Preux. MDCX [Bern, 1610].

Petrarque Fr. Les remedes aux deux fortune / Texte et trad. par Ch. Carraud. Paris, 2002. Vol.1-2. 1167 p; 803 p.

Petrarca politico: atti del Convegno: Roma-Arezzo, 19-20 marzo 2004 . Roma, 2006. 191 p.

Špička J. Strategie dialogu v Petrarkově “De remediis”, Brno, 2005 (diss.).